

Н. И. КОНРАД

О ДЕТЕРМИНАТИВАХ В КИТАЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Как известно, на определенной, довольно поздней ступени своего развития китайская письменность создает особую категорию иероглифов, могущую быть названной фоноидеографической, поскольку каждый знак такой категории состоит из двух частей: одной—указывающей на то, как данное, обозначаемое этим иероглифом слово звучит, другой—что это слово значит, точнее—к какой категории понятий оно относится, ибо конкретное значение слов определяется взаимодействием обеих частей иероглифа. Эта вторая часть, именуемая в китаеведческой практике «ключом», является, таким образом, смысловым определителем иероглифа, его детерминативом.

Изучение этих детерминативов,—как самого факта появления их в письменности, так и их значения,—привело меня к ряду наблюдений, часть которых, как мне думается, может представлять общелингвистический интерес.

Первое, что мне хотелось бы предварительно подчеркнуть, касается самого существа детерминатива. Недостаточно считать детерминативы чем-то имеющим касательство только к письменному знаку—иероглифу. Поскольку иероглиф—пока он иероглиф—есть всегда в той или иной степени идеографический знак, постольку и все, что входит в его состав, имеет то или иное отношение к понятию, передавать которое на письме данный иероглиф призван. Поэтому следует всегда помнить, что детерминатив есть смысловой определитель, т. е. определитель самого понятия.

Конечно, роль этого понятийного определителя может быть самая различная. Если брать отдельные примеры, скажем, с детерминативом «дерево», то наличие его в иероглифах, обозначающих «дуб», «сосну», «иву», «клен» и т. п., свидетельствует о том, что понятия этих деревьев формируются в сознании с помощью понятия дерева вообще, т. е. что дуб, сосна и т. д. осознаются как «деревья». В других случаях наличие этого детерминатива указывает на то, что понятия, обозначаемые данным иероглифом, образуются с помощью понятия «дерево» с другим результатом—как нечто «деревянное». В таком духе, очевидно, осознаются понятия «доска», «палка», «столб», «стропила», «мост» и т. п. Присутствие детерминатива «сердце» в иероглифах «гнев», «ненависть», «злоба», «страх», «радость», «печаль», «скорбь» и т. п., очевидно, следует объяснить тем, что представление о какой-нибудь эмоции находилось в неразрывной связи с тем, что мыслилось как агент, носитель или вместилище этих эмоций; во-вторых, тем, что представление об этом агенте, носителе или вместилище эмоций превратилось в понятие эмоции вообще и тем самым определило природу понятий гнева, ненависти и т. д., именно как эмоций. Таким образом, роль детерминативов очень различна, но перечислять здесь все возможные или даже только важнейшие случаи необходимости нет; приведением этих немногих примеров я хотел только лишний раз подчеркнуть, что детерминатив есть один из элементов структуры самого понятия, и при этом такой элемент, который с какой-то стороны это понятие определяет. Необходимо еще только напомнить, что речь идет не о языке вообще, а об опре-

деленной стадии в развитии языка, в развитии мышления и речи, той стадии, отражением которой в письме являются иероглифы фоноидеографической категории.

Из всех этих сторон в данном случае я хотел бы остановиться на одной — на определении детерминативом категориальной принадлежности какого-либо понятия. Когда мы видим ряд иероглифов, снабженных одним и тем же детерминативом, мы тем самым понимаем, что все понятия, передаваемые этими иероглифами, объединяются в сознании принадлежностью к какой-нибудь общей категории и через эту общую категорию и осознаются. Если взять простейшие примеры, можно указать на следующее: наличие детерминатива «дерево» в иероглифическом обозначении какого-либо дерева свидетельствует, что понятие данного дерева осознается, как вид дерева вообще; наличие детерминатива «камень» у иероглифов — названий отдельных камней — свидетельствует о том, что понятия отдельных представителей минерального царства мыслятся, как виды одного категориального понятия минерала. Наличие детерминатива «тело» у иероглифов, обозначающих такие понятия, как «плечо», «спина», «поясница», и т. д., свидетельствует, что все они осознаются в свете общего понятия «тело», мыслятся как части тела. Таким образом, детерминатив в этих случаях дает действительно «ключ» к механизму образования самого понятия и раскрывает его реальное содержание.

Остановимся на группе понятий, связанных с понятием человеческого тела. В письменности эта группа представлена иероглифами, обозначающими туловище, плечи, живот, бок, поясница, нога, голень, колени и т. п., а также легкие, печень, почки, кишки и некоторые другие внутренние органы. Наличие у всех этих иероглифов детерминатива «тело» говорит о том, что все эти понятия осмыслились с помощью понятия тела вообще. С другой стороны, смотря на эту группу иероглифов, мы видим, что именно мыслилось как части человеческого тела.

И вот эта как будто бы весьма простая и ясная картина оказалась осложненной одним обстоятельством: наряду с иероглифом «рука», передающим слово, в современном пекинском наречии звучащее как «вань», и «нога» — в современном пекинском наречии — «цзяо», представленными здесь, мы имеем совершенно другие иероглифы, обозначающие «рука» и «нога». Это будут иероглифы, передающие слова «шу» и «цзу».

Должны ли мы из этого сделать вывод, что существуют два различных слова для одного и того же понятия? Конечно, само по себе, в плане исторического развития языка это вполне возможно. Но тут, как мне думается, дело в другом: тут налицо два различных понятия.

Дело на первый взгляд как будто бы простое. Различие между рукой — «вань» и рукой — «шу» может быть понято, как различие между «bras» и «main» во французском языке и между «Arm» и «Hand» — в немецком; различие между ногой — «цзяо» и ногой — «цзу», — как различие между «jambe» и «pied» или между «Bein» и «Fuß».

Но нельзя отрицать и другого: совершенно несомненно, что слово «шу», т. е. «Hand», употребляется в значении рука вообще, без какого-либо специального оттенка. Точно так же и слово «вань», т. е. «Arm», может употребляться в смысле руки вообще. Поэтому вполне признавая наличие разницы в значении этих двух слов в направлении обозначения ими разных частей руки, разницы, удостоверяемой и самой картиной иероглифических знаков, я в то же время считаю, что самая возможность ослабления ощущения этой разницы свидетельствует, что основное различие между этими двумя понятиями проходит не по этой линии, и что сама эта разница есть отражение какого-то другого различия этих двух понятий.

Иероглифическая картина говорит ясно, в каком направлении это различие проходило. Принадлежность иероглифа «вань» к группе иероглифов с детерминативом «тело» свидетельствует о том, что им обозначалось понятие «рука», как части тела. Что же тогда означает рука — «шу»?

Ответ на этот вопрос, по-моему, также ясен.

Берем иероглифы, означающие такие понятия, как «братъ» с его различными дериватами—хватать, держать, выбирать, получать и т. д.; «ударять» с его дериватами—бить, хлопать, стучать и т. д.; «бросать»—кидать, швырять, выбрасывать, оставлять и т. д.; «толкать»—двигать, теснить, нажимать, давить и т. д.; «тащить»—тянуть, вытаскивать, выдерживать и т. д.; «трогать»—щупать, искать и т. д.; «трясти»—колыхать, размахивать и т. д.; «тереть»—гладить, скрести, чесать; «манить», «указывать» и т. д., короче говоря, понятия действий, совершаемых рукой. Все иероглифы, обозначающие эти понятия, снабжены одним общим детерминативом, и этим детерминативом является иероглиф «рука»—«шу».

Таким образом, иероглиф «шу» превратился в детерминатив; иначе говоря, понятие, обозначаемое словом «шу», стало играть роль определителя для целой группы понятий, обозначающих различные действия, производимые рукой, а это, как мне кажется, вскрывает истинное содержание понятия «шу»—рука: это есть рука, как орудие действия. На основании этого мне кажется возможным сделать два вывода: во-первых, что в китайском языке существуют два понятия руки—руки как части тела, и руки как орудия; во-вторых, понятие руки как орудия, служит понятийным детерминативом для понятий действий этой руки.

За всем этим, возможно, скрывается, однако, общий закон. Представление о нем могут дать, как мне думается, следующие наблюдения. С понятием «нога» повторяется то же, что и с понятием «рука»: есть «нога» как часть тела (цзяо) и «нога» как орудие (цзу), и последнее превратилось в детерминатив для таких понятий, как ступать, ходить, прыгать, скакать, плясать, спотыкаться, топтать, пихать, становиться на колени и т. д., т. е. для понятий действий ног. Иероглиф «сердце», являющийся самостоятельным, т. е. не снабженным детерминативом «тело», как прочие органы, превращается в детерминатив иероглифов, означающих понятия чувств, эмоций.

Любопытную картину дает группа «головы». В состав этой группы входят такие понятия, как темя, затылок, лоб, виски, щеки, подбородок: все соответствующие иероглифы имеют один и тот же детерминатив—«голова». Это значит, что темя, затылок, лоб и т. д. мыслились, как части головы.

Но в этой группе нет иероглифов «глаз», «ухо», «рот», «нос». Эти понятия имеют особые иероглифические обозначения—без детерминатива «голова», обозначения, восходящие к простым пиктограммам; и все эти знаки сами превратились в детерминативы. Например, иероглифы, означающие действие глаза—смотреть, наблюдать, оглядываться, коситься, уставиться и т. п.,—имеют в своем составе детерминатив «глаз»; иероглифы, означающие такие понятия, как держать во рту, дуть, говорить, звать, спрашивать, глотать, лизать и т. п., имеют детерминатив «рот».

Эти и им подобные наблюдения,—а их можно было бы привести в большом количестве,—заставляют думать, что все эти орудия каких-либо действий, во-первых, занимают особое самостоятельное место в системе понятий вообще; во-вторых, выступают, как детерминативы, т. е. такие категориальные понятия, с помощью которых строятся и через которые осознаются понятия, обозначающие действия или функции этих орудий.

Таково первое положение, с большой наглядностью, как мне кажется, открываемое китайской письменностью. Может ли оно характеризовать на каком-то этапе ход языкового мышления вообще? Для ответа на этот вопрос обратимся к совершенно иному—сравнительно с китайским—языку: к японскому.

Здесь нам приходится иметь дело с другим материалом. В китайском языке можно было исходить из письменности. Это вполне правомерно, так как эта письменность—идеографическая, а это значит, что она во многих случаях с большой наглядностью раскрывает ход мыслей. Япон-

ская письменность, как известно, звуковая, почему и приходится обращаться к звуковому составу слова. Нельзя ли путем анализа звукового состава слова найти в японском языке то же, что мы нашли в китайском путем анализа письменного знака?

Возьмем один, как мне кажется, очень наглядный пример—пример с понятием «рука». В японском языке, как и в китайском, существуют два слова для этого понятия: «удэ» и «тэ». Различие между ними то же, что и в китайском языке: «удэ»—это «вань», «тэ»—это «шу». Но так же, как в китайском языке слово «шу», японское «тэ» может употребляться и в смысле руки вообще, а не только одной кисти. Может ли это слово служить своего рода понятийным детерминативом?

Возьмем группу таких слов, как развязывать («ходоку»), распределять («кубару»), манить («манэку»), вертеть («мавасу»), держать («моцу»), насыпать («мору»), плести («аму»), мыть («арау») пускать («ханасу»), хлопать («татаку»), тянуть («хику»), сверлить («хору»), хмать («фуру»), брать («тору») и многие другие подобного же рода. Все эти слова обозначают те или иные действия руки. И вот наряду с этими словами существуют другие, составленные из них же плюс—в качестве префикса—слово «тэ»—«рука». Иначе говоря, есть слово «развязывать»—«ходоку» и одновременно—«тэходоку». Есть слово «манить»—«манэку» и одновременно—«тэманэку», «плести»—«аму» и «тэаму» и т. д.—во всех подобных случаях. Сейчас из этих двух параллельных рядов более употребителен первый, т. е. без префикса «тэ», но и в настоящее время слова с этим префиксом встречаются достаточно часто и ощущаются как более точные обозначения соответствующих понятий. История же языка свидетельствует, что таких слов раньше было гораздо больше и употребление их было более прочным.

Все это заставляет считать, что роль префикса «тэ» (рука) в этих словах идентична роли детерминатива «шу» в иероглифах, обозначающих действия руки в китайской письменности, так как и тут, как и там, мы имеем дело с понятийным детерминативом, в китайском языке вскрывающимся иероглифической картиной, в японском—фонетической. Поэтому в таких словах, как «тэходоку» (развязывать), т. е. в словах, состоящих из двух компонентов—«тэ» (рука) и какого-нибудь глагола, первый компонент следует рассматривать, как детерминатив, выраженный звуковыми, лексическими средствами. Таким образом, возможность для понятий орудий действий, в данном случае для понятия «рука», выступать фонетическим детерминативом подтверждается данными японского языка.

Таково первое наблюдение. Открывается возможность сделать и другое.

Обратимся сначала опять к китайской письменности и возьмем группу иероглифов с детерминативом «глаз». В ней мы найдем иероглифы, обозначающие такие понятия, как «оглядываться», «наблюдать», «смотреть пристально», «смотреть угрожающе» и т. д. И оказывается, что в этой группе отсутствует тот иероглиф, который, казалось бы, должен по самой своей природе входить в ее состав: иероглиф «видеть». Это понятие обозначается особым знаком. В его состав входит рисунок глаза, но этот рисунок в нем—не детерминатив: весь знак в целом, как показывает его древнее начертание, представляет изображение «смотрящего человека». Значение «видеть» (смотреть) этот знак получил, очевидно, благодаря особому приему изображения, а именно: сведению рисунка всей головы к изображению одного большого глаза. Таким образом, получается, что важнейшее понятие функции глаза, зрения, имеет самостоятельное иероглифическое обозначение и, следовательно, мыслится, как отдельная, особая категория.

То же мы наблюдаем и в группе понятий, связанных с рукой. Для понятия самого обычного действия руки—«брать» мы имеем особый иероглиф, в который входит рисунок руки, но отнюдь не как детерминатив: весь этот иероглиф—идеографического происхождения; он представляет

соединение двух пиктограмм—рисунка руки и рисунка уха. Все в целом должно изображать руку, держащую ухо. Это означало—захват врага (отрезанное ухо врага—символ победы над ним), захват, захватывать, взять, брать. Понятие «ходить» («шагать», «ступать»), т. е. понятие важнейшего действия ноги, также имеет самостоятельное иероглифическое обозначение, т. е. существует без детерминатива «нога», как следовало бы ожидать.

Эти и им подобные примеры заставляют думать, что некоторые, осознаваемые самими важными понятия действий какого-либо орудия, выступают, не как дериваты понятий своих орудий, в данных примерах—глаза, руки, ноги, а как самостоятельные категории.

Наблюдения можно продолжать и дальше. Обращаясь к китайской иероглифике, мы находим группу иероглифов со значением «осматривать», «присматриваться»—и ряд других подобного же рода. В каждый из этих знаков входит иероглиф «видеть», и этот иероглиф выступает здесь, как детерминатив. Таким образом, получается, что понятия некоторых, повидимому, самых важных действий, связанных с каким-либо орудием, не только выступают как самостоятельные категории понятий, но и играют роль детерминативов для целого ряда других понятий.

Этот вывод, сделанный на материале китайской письменности, подтверждается данными японского языка.

Как известно, в японском языке очень распространены сложные глаголы, составленные из двух глагольных основ. В одних случаях оба компонента могут рассматриваться, как равноправные, т. е. в равной мере участвующие в образовании нового понятия, представленного сложным целым; в других случаях первый компонент, т. е. первый глагол, является основным, второй—вспомогательным, играющим ту же роль, что в русском языке разные приставки: «тобу»—летать, «тобикому»—влетать, «тобидасу»—вылетать. В этих случаях глаголы «кому» и «дасу» играют служебную роль. Но есть ряд сложных глаголов, в которых все значение целого дается в одном втором компоненте, первый же как будто оказывается лишним. Японские грамматисты давно подметили такого рода глаголы и выделили их в особую группу глаголов—префиксов, обычно заявляя при этом, что наличие этих префиксов никак не меняет значения слова.

Этих глаголов немного: сасу, осу, уцу, хику, тору, каку, моцу.

Вот примеры их употребления:

Сасу:

агэру, саснагэру—подносить; мукэру, сасимукэру—направлять; симэсу, сасисимэсу—показывать; томэру, саситомэру—останавливать; хасаму, сасихасаму—всунуть, зажать; ирэру, сасиирэру—вкладывать; манэку, сасиманэку—поманить; мавасу, сасимавасу—посылать, направлять; оку, сасиоку—положить, оставить; осаэру, сасиосаэру—придавить, задержать; ватасу, сасиватасу—простира́ть, и ряд других глаголов.

Осу:

агэру, осиагэру—толкнуть вверх; хирогэру, осихирогэру—расправлять, расстилать; нокэру, осинокэру—отодвигать, отстранять; томэру, оситомэру—останавливать; дасу, осидасу—выпускать, выталкивать; хиромэру, осихиромэру—распространять; ирэру, осиирэру—впихивать; коросу,—осикоросу—убивать; модосу, осимодосу—возвращать; нарасу, осинарасу—уравновешивать; татэру, оситатэру—поднимать; цукэру, осичукэру—прижимать; вакэру, осивакэру—разделять, и ряд других глаголов.

Уцу:

агэру, утиагэру—пускать вверх; кудаку, утикудаку—разбивать; морасу, утиморасу—упускать; томэру, утитомэру—останавливать; харау, утихарау—страхивать; хоробосу, утихоробосу—губить; каэсу, утикаэсу—

перевертывать; макасу, утимакасу—поручать; сиорэру, утисиорэру—вянуть; сугиру, утисугиру—проходить; цудзуку, утицудзуку—продолжать; вару, утивару—разбивать, и ряд других глаголов.

Хику:

агэру, хикиагэру—оставлять, очищать; хагасу, хикихагасу—отдирать; ханасу, хикиханасу—отделять, выпускать; харау, хикихарау—очищать, сметать; хадзусу, хикихадзусу—снимать, отделять; ирэру, хикиирэру—сводить; курабэру, хикикурабэру—сравнивать; курумэру, хикикурумэру—соединять; матомэру, хикиматомэру—собирать; модосу, хикимодосу—возвращать; нобасу, хикинобасу—протянуть, отложить; окосу, хикиокоосу—поднимать, возбуждать; оросу, хикиоросу—опускать, снимать; саку, хикисаку—разрывать; сару, хикисару—удаляться; сибору, хикисибору—выжимать; сиридзоку, хикисиридзоку—удаляться; томэру, хикитомэру—задерживать; тораэру, хикитораэру—схватывать; тору, хикитору—брать; цукэру, хикицукэру—придвинуть; цугу, хикицугу—следовать; вакэру, хикивакэру—разделять, и ряд других глаголов подобного типа.

Тору:

агэру, ториагэру—отбирать; ацукау, ториацукау—обращаться; тирасу, торитирасу—разбрасывать; харау, торихарау—убирать; хадзусу, торихадзусу—снимать; хирогэру, торихирогэру—расширять, распространять; исогу, ториисогу—спешить; каэсу, торикаэсу—возвращать; какару, торикакару—приниматься; кэсу, торикэсу—зачеркивать; кимэру, торикимэру—решать; коvasу, ториковасу—разбивать; куму, торикуму—схватываться; митомэру, торимитомэру—собирать; мидасу, торимидасу—приводить в беспорядок; модосу, торимодосу—возвращать; нокэру, торинокэру—убирать, удалять; нокосу, торинокосу—оставлять; осаэру, ториосаэру—удерживать; симару, торисимару—заведывать, управлять; сирабэру, торисирабэру—расследовать; сугару, торисугару—цепляться; томэру, торитомэру—удерживать; цугу, торицугу—передавать, и ряд других глаголов подобного типа.

Каку:

ацумэру, какиацумэру—собирать; авасэру, какиавасэру—соединять; мавасу, какимавасу—перерывать; мадзэру, какимадзэру—перемешивать; мидасу, какимидасу—перепутывать; надэру, какинадэру—расчесывать; нарасу, какинарасу—играть (на струнном инструменте); вакэру, какивакэру—раздвигать, и ряд других глаголов подобного типа.

Моду:

агэру, мотагэру—поднимать; асобу, мотэасобу—играть; хаясу, мотэхаясу—хвалить; насу, мотэнасу—обращаться (с кем-нибудь), и другие глаголы подобного типа.

Как видно из этих, а также из всех других могущих быть приведенными подобных же примеров, глаголы с указанными приставками означают—по крайней мере для современного языка—одно и то же. Одно и то же они, повидимому, означали и в старом языке, только эти приставки были более обязательны.

Что же значат эти глаголы-префиксы сами по себе? Если взять толковые словари, то окажется, что для передачи их значения часто нужна целая страница текста. Так, например, для таких глаголов, как «сасу» и «тору» дается по несколько десятков разных значений.

Первоначальное значение этих глаголов, однако, весьма простое: все они означают то или другое движение руки. «Сасу» есть простое движение руки от себя. Отсюда—такие значения, как «показывать», «колоть» и десятки других, вплоть до «открывать зонтик». «Осу»—движение руки от себя с силою; отсюда такие значения, как «толкать», «двигать», «нажи-

мать», «давить» и десятки других им подобных. «Хику»—движение руки к себе; отсюда такие значения, как «тянуть к себе», «тащить», «придвигать» и т. п., вплоть до значения «вычитать». «Уцу»—удар рукой; отсюда—«ударять», «бить», «убивать» и т. п. «Тору»—захват рукою; отсюда—«захватывать», «схватывать», «ловить», «брать» и пр. «Каку»—движение пальцев: «скрести», «сгребать» и т. п. «Моцу»—«держать».

Зная значение этих глаголов-префиксов, легко понять факт соединения их с другими глаголами из числа вышеприведенных. «Сасу» (движение руки от себя) понятно в глаголе сасиагэру—поднимать, подносить, где агэру само значит поднимать. Оно же понятно и в сочетании с глаголом симэсу—показывать, с глаголом мукэру—направлять, с глаголом томэру—останавливать и т. д.

Наличие «осу» (движение руки от себя с силой—толкать) понятно в сочетании с глаголами хирогэру—расстилать, нокэру—отодвигать, томэру—останавливать и т. д.

Наличие «тору» (брать) понятно в соединении с глаголами—ацукау (обращаться с чем-либо), коvasу—разбивать и т. д. Наличие «каку»—скрести—хорошо укладывается в одно целое с глаголами надэру—чесать, мадзэру—перемешивать, ацумэру—собирать.

Понять наличие этих глаголов-префиксов не трудно и во всех прочих приведенных примерах, а также и во всех подобных им.

Все это заставляет отнести к этим глаголам в составе сложного целого иначе, чем к другим глаголам в таких же сложных словах. Получаемый смысл целого отнюдь не складывается из значений отдельных компонентов. Строго говоря, все значение дается во втором компоненте.

Какую же роль играет первый компонент? Мне кажется, что эта роль ясна: роль понятийного детерминатива. Это—так сказать «звуковой ключевой знак» в составе слова, то же, что графический ключевой знак в иероглифе.

Таким образом, наблюдая эти явления в японском языке и сопоставляя их с таким фактом, как выступление в роли детерминатива иероглифа «видеть» в китайском языке, я допускаю возможность высказать и второе положение, а именно: понятия некоторых, главным образом, основных, важнейших действий такого орудия, как, например, рука или глаз, выступают не только как самостоятельные категории понятий вообще, но и как понятийные детерминативы в структуре других понятий, означающих прочие действия этих орудий, нагляднее всего—руки.